

Опочинин Евгений Николаевич

Русские народные сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич О.**
Русские народные сказки / Опочинин Евгений Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 91 с.

ISBN 978-5-521-26377-6

ISBN 978-5-521-26377-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

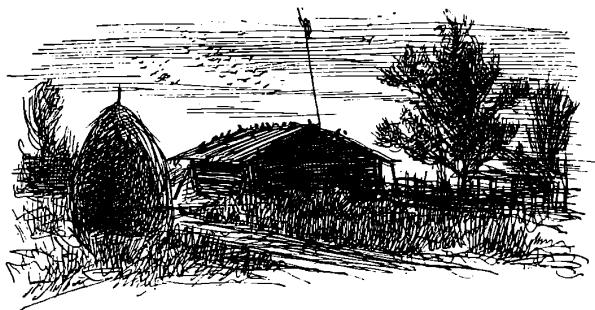
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Какъ старуха изъ отопочка бычка добыла.

(С К А З К А).

Шла старуха дорогой и нашла отопочекъ*). Вотъ подняла она его и несеть, — думаетъ, изгодится. Пришла она въ деревню, просится ночевать. Пустили ее.

— А куда-бы мой отопочекъ дѣвать?

— Положи, — говорятъ, — бабушка, подъ лавку.

— Нѣтъ, — говоритъ старуха, — онъ не любитъ подъ лавкой, а любитъ съ курочками.

Ладно. Бросили отопочекъ въ курятникъ. Встаетъ утромъ старуха и спрашиваетъ хозяевъ:

— А гдѣ-же моя курочка?

— Да что ты, бабушка? Въ умѣ ли? Вѣдь у тебя отопочекъ былъ, а не курочка.

— Нѣтъ, — говоритъ, — курочка! Отдайте, а не отдадите — домъ сожгу.

Дѣлать нечего, отдали старухѣ курочку. Вотъ и пошла она. Приходить въ другую деревню, просится ночевать. Пустили ее.

— А куда бы курочку мнѣ дѣвать?

— Да вотъ, сажай ее на дворъ, къ курицамъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — она не любитъ съ курицами, а любитъ съ овечками.

*) Изношенный, отоптанный валеный сапогъ.

Посадили курицу къ овцамъ. Встаетъ старуха утромъ, спрашиваетъ:

— А гдѣ мой барашекъ?

— Въ умѣ-ли ты, бабушка? Какой барашекъ?— У тебя курочка была, а ты барашка спрашиваешь!

— Барашекъ!— говоритъ. — Отдайте! А не отдадите—домъ сожгу.

Нечего дѣлать, отдали старухѣ барашка. Пошла она съ нимъ. Опять на дорогѣ деревня. Зашла она, просится ночевать. Пустили.

— А куда бы моего барашка дѣвать?

— Да поставь,—говорятъ,—къ овцамъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—онъ не любить съ овцами, а любить съ бычками.

Ладно. Поставили барашка съ бычками. Встаетъ утромъ старуха, спрашиваетъ:

— Гдѣ же мой бычекъ?

— Да что ты,—говорятъ,—бабушка! У тебя баранъ былъ, а не бычекъ.

— Ну вотъ еще выдумали! бычекъ! Я сама и ставила. Отдайте! А не отдадите—домъ сожгу.

Дѣлать нечего, отдали старухѣ бычка. Вотъ пошла она по деревнѣ и украла у мужика сбрую и дровни. Запрягла бычка, сѣла и поѣхала. Ъдетъ такъово шибко, да кричитъ:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

Хомуть трещить, дуга верещить.

Попадается ей навстрѣчу волкъ.

— Покатай, бабушка!

— Садись,—говоритъ.

Вотъ сѣлъ волкъ, поѣхали. Опять кричитъ старуха:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

Хомуть трещить, дуга верещить.

Попадается навстрѣчу медвѣдь.

— Покатай, бабушка!

— Садись—говорить,—и ты.

Сѣлъ медвѣдь, поѣхали. Опять свое кричитъ старуха.

Вотъ ѣхали они, ѣхали, и сломайся у нихъ оглобля. Старуха и говоритъ медвѣдью:

— Ну-ка, сходи, принеси оглобельку.

Пошелъ медвѣдь, выдернулъ елку съ корнемъ, тащить.

— На,—говорить,—бабушка!

— Да это, дуракъ, не годится.

И послала старуха волка.

— Ступай,—говорить,—ты поумнѣе, принеси оглоблю.

Пошелъ волкъ, нашелъ на дорогѣ палку, несетъ въ зубахъ.

— На, бабушка!

— И это не годится,—говорить старуха.—Постойте вы тутъ,—я сама схожу.

И пошла она въ лѣсъ, а пока ходила, медвѣдь съ волкомъ зарѣзали бычка и все мясо сѣли, только шкуру на ногахъ оставили да голову. Въ шкуру они моху набили, сѣнца въ ротъ воткнули. Будто и живой стоитъ. А сами ушли. Вотъ приходитъ старуха, ввернула оглоблю, сѣла въ дровни и кричитъ:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

А бычекъ ни съ мѣста. Слѣзла старуха,—покормить, думаетъ, надобно,—да нѣтъ: у него во рту клокъ сѣна торчитъ, а не ѣстъ и не идетъ. Тутъ старуха съ досады какъ дернетъ за возжи, быкъ-то и упалъ. Нечего дѣлать, вылѣзла она съ дровней и пошла пѣшкомъ. И сейчасъ идетъ. А какъ придетъ куда-нибудь—новая сказка начнется.

Козель и волкъ.

(П О Б А С Е Н К А).

Задумалъ псковской козель въ Ярославлѣ побывать. «Дай,—думаетъ,—на Волгу посмотрю, да и ярославцевъ хвалятъ». Вотъ надумалъ козель и пошелъ. Шелъ онъ, шелъ и вышелъ на большую дорогу. А дорога-то была грязная,—вода на ней лужами стояла. Подошелъ козель къ лужѣ, глядитъ въ воду, какъ въ зеркало, самъ себя видитъ и хвалится.

— Ахъ,—говорить,—какой я! Борода-то у меня какая! У московскаго купца—и то такой нѣтъ. А рога-то! Попался бы мнѣ теперь ярославскій волкъ, я бы его рогами-то!

А ярославскій волкъ—тутъ, какъ тутъ: за обваломъ онъ лежалъ и козлиную похвальбу слышалъ. Вышелъ онъ и спрашиваетъ:

— Что ты, козель, говорилъ?

— Эхъ, хорошій волкъ!—отвѣчаетъ козель.—Мало-ли что передъ смертью-то говорится. Не всякое лыко въ строку...

Схватилъ волкъ козла за шиворотъ, а тотъ его приговариваетъ, величаетъ:

— Полно, Никита Кузьмичъ!

Поотпустилъ волкъ козла, а тотъ его опять величаетъ.

— Господинъ капраль! Никита Кузьмичъ! Сколько я служивыхъ видалъ, а такого еще не приводилось...

Совсѣмъ выпустилъ козла волкъ, а тотъ какъ бросится со всѣхъ ногъ. Только брызги во всѣ стороны полетѣли. Собрался было волкъ его догонять, да подумалъ, что ему бѣгать взапуски съ козломъ не приходится,—не даромъ онъ Никита Кузьмичъ, да еще въ капральскомъ званіи...

Такъ и ушелъ козелъ. Дошелъ до деревни и забрался въ огородъ, поближе къ капусткѣ.

«Дивлюсь!»

(ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РОЗСКАЗНЕЙ).

Шли два плута-мазурика—московскій да питерскій. А мужикъ въ полѣ оралъ. Тутъ, противъ самой полосы, елка стояла. Вотъ одинъ плутъ залѣзъ на елку, а другой за кустомъ съ другого конца схоронился. Тотъ, что на елкѣ-то сидѣлъ, какъ подѣдетъ мужикъ, и кричитъ:

— Дивлюсь!

Разъ крикнулъ и два. Мужику захотѣлось знать, что это онъ кричитъ, а догадки не хватило спросить, какъ къ елкѣ подѣвжалъ. Вотъ доѣхалъ онъ почти до другого конца, оставилъ лошадь и пошелъ вдоль полосы назадъ.

Подходитъ къ межнику, а плутъ съ елки опять ему кричитъ:

— Дивлюсь!

— На что ты дивишься-то?—спросилъ мужикъ.

— Да какъ-же,—говоритъ,—не дивиться? Я тутъ сижу на ели, а у тебя лошадь увели.

Оглянулся мужикъ назадъ: и вправду—одна соха стоитъ.

Сказка про Иванушку-дурачка.

Жили-были старикъ со старухой, а у нихъ было три сына. Два были умные; третій сынъ—совсѣмъ дуракъ. Звали его Иванушкой.

Такъ они жили, поживали, и вотъ задумалъ старшій сынъ жениться. Поднялись въ домѣ хлопоты: надо все къ свадьбѣ приготовить, въ городъ за припасами съѣздить. А кому ѣхать? Старшему брату нельзя, второму тоже некогда; остается Иванушка-дурачекъ.

Вотъ позвали дурака, дали ему денегъ и все растолковали:

— Купи,—говорятъ,—столъ, потомъ ложекъ, потомъ пудъ масла постнаго, да муки, да говядины, да соли по пуду. Да еще горшковъ купи. Только смотри, дуракъ, не напутай. Ну, все понялъ? поѣдешь?

— Отчего не поѣхать? Вотъ увидите, какъ все ладно сдѣлаю.

Поѣхалъ дуракъ въ городъ. Все, что велѣли, купилъ, ничего не забылъ и веселый домой отправился. Ыдетъ себѣ да посвистываетъ. А время-то къ веснѣ было. Доѣхалъ Иванушка до рѣки, переѣзжать надо. Поѣхалъ, вдругъ лошадь стала и дальше не идетъ. Посмотрѣлъ Иванъ, а во льду-то щель.

— Ничего,—говоритъ,—постой, я это дѣло поправлю

Вытащилъ онъ муку, высыпалъ въ щель, масломъ залилъ—любо глядѣть! Не видно стало трещины—пошла лошадь дальше.

Переѣхалъ Иванъ рѣку и покатишь себѣ. Лошадь бѣжитъ рысью, а ложки въ столѣ брякъ да брякъ! «Что за притча?» думаетъ Иванъ,—ложки мнѣ кричатъ: «дуракъ, дуракъ!» Пойдите же, я васъ отучу ругаться! Я-жъ ихъ везу, а онѣ меня какъ величаютъ. Такъ вотъ же—не повезу больше! Ступайте, куда знаете!

Взялъ да и выбросилъ ложки изъ стола.

Дальше поѣхалъ. Гора попадается. Лошадь опять стала, не идетъ, да и все. Иванъ и такъ и эдакъ,—ничего не выходитъ. Тутъ его вдругъ и осѣнило: какъ кинется къ столу:

— Ахъ ты,—говорить,—лѣнтяй, лежебокъ этакій! У меня вонъ всего двѣ ноги, и то я съ воза сошелъ, а ты и на четырехъ итти не хочешь. Я тебѣ дамъ сидѣть!

Снялъ онъ съ воза столъ, поставилъ у дороги, глядь,—и лошадь пошла. Ёдетъ Иванъ дальше и радуется: «И молодецъ же я!» Доѣхалъ онъ до вырубки; ёдетъ, на пеньки смотреть и жалко ихъ ему стало. Стоять пеньки, ничѣмъ не прикрытые, всѣ снѣгомъ занесенные.

— Бѣдняги вы, бѣдняги!—говорить. — И шапокъ то у васъ нѣтъ, нечѣмъ голову отъ мороза укрыть.. Вы моему батюшкѣ работнички, и я вамъ помогу. Нате, поминайте батюшку съ матушкой!

И надѣлъ онъ всѣ горшки на пеньки.

Дальше ёдетъ Иванъ, видитъ: усадьба стоитъ. Сталъ онъ по двору проѣзжать, собаки какъ кинутся за нимъ. Лають: «гамъ! гамъ!» Усмѣхается дуракъ: «ишь надрываются, въ гости зовутъ: къ намъ! къ намъ!

— Нѣкогда,—говорить,—мнѣ сейчасъ къ вамъ ѣхать. Дома ждутъ. Ужѣ въ другой разъ заѣду, а пока угостить васъ могу.

И повыкидалъ собакамъ всю говядину.

Бдетъ дальше, посвистываетъ. И вздумалось ему лошадь напоить. А на дорогѣ-то ужъ кое-гдѣ лужи стояли. Подѣхалъ онъ къ одной лужинкѣ, лошадь оста-

новилъ и давай свистать: пей, молъ. Лошадь стоитъ, головой мотаеъ, а пить не пьетъ.

— Что,—говоритъ Иванъ,—али соли нѣту? Ну, я это дѣло поправлю. Схватилъ онъ мѣшокъ и бухъ всю соль въ лужу. Лошадь сейчасъ пить начала: любятъ

онѣ соленое-то. Напилась она, поѣхалъ Иванъ дальше. Приѣзжаетъ къ дому налегкѣ. Выбѣжали ему навстрѣчу братья:

— Что,—спрашиваютъ,—все закупилъ?

— Все до капельки,—говорить.

— Гдѣ жъ покупки-то? давай сюда.

— Да онѣ по разнымъ дѣламъ ушли.

— По какимъ-такимъ дѣламъ? А ложки гдѣ?

— Ложки? Сварливы онѣ что-то стали. Я-же ихъ везу, а онѣ въ столѣ, знай, бранятся: «дуракъ!» кричатъ, «дуракъ!» Это я-то? Я ихъ унимать, а онѣ опять за свое, ну и выбросилъ ихъ по дорогѣ.

Разсказалъ Иванъ братьямъ и про другія покупки. Накинулись на него:

— Ахъ, дуракъ ты, дуракъ невиданный! И тутъ бѣдъ надѣлалъ!

— Однако, свадьба-то близко, чѣмъ тужить, надо опять въ городъ ѣхать. Говорятъ братья Ивану:

— Ну, дуракъ, теперь сами мы въ городъ поѣдемъ, а ты здѣсь пиво вари. Авось, хоть это справишь.

Поѣхали они въ городъ, а дуракъ остался пиво варить. Дали ему хмелю, муки, солоду.

— Ну,—думаетъ Иванъ,—и пива же я наварю на славу!

Принесъ онъ въ избу лотокъ, на какомъ дѣти съ горъ катаются, а во всѣ кадки въ домѣ воды налилъ. Потомъ дверь заперъ, всю воду на полъ вылилъ, муку, хмель и солодъ въ нее высыпалъ, а самъ въ лоткѣ началъ по избѣ ѣздить. Ѣздить, ѣздить, вода пѣнится, а Иванъ радуется: «Ну и пиво будетъ!»

Тутъ и братья изъ города вернулись, въ дверь стучать. А Иванъ имъ:

— Погодите, сейчасъ отворю! Вотъ только дожду!

— Да ты, что дѣлаешь-то?